

новую политику Карла V относительно протестантовъ, и известный *интеримъ*—временное установление религіознаго вопроса до предполагавшагося въ будущемъ, *свободнаго* (т.-е. съ участіемъ протестантовъ) собора. Хотя Кудрявцевъ вынужденъ признать, что „Карлъ отвергнулъ мысль о безусловной реставраціи“, что императоръ руководился болѣею умѣренностью или осторожностью въ религіозномъ вопросѣ, тѣмъ католическая партія въ Германіи и папа,—тѣмъ не менѣе, онъ рѣзко осуждаетъ *интеримъ*, видитъ въ немъ одну *рутину*, въ которой выразилось вѣчное противорѣчіе Карла съ духомъ времени, требовавшего раздѣленія, *двойства*; называетъ интеримъ деспотическою мѣрою для достиженія того же идеала, которымъ постоянно одушевлена была политическая дѣятельность Карла отъ самыхъ первыхъ ея началъ. „Не побѣдами надъ мусульманскимъ міромъ, какъ предполагалось сначала, но приведеніемъ въ покорность всей Германіи, Карлъ высоко становился надъ всѣми современными властителями“. Наконецъ Кудрявцевъ находитъ въ интеримѣ и *мечтательную* сторону, объясняя ее тѣмъ, „что власть главы имперіи была, по представленію Карла V, первою властью въ христіанскомъ мірѣ и должна была простираться на всѣ отношенія, не исключая и духовныхъ“.

Успѣхъ Карла былъ непродолжителенъ; его главный союзникъ въ религіозной войнѣ, Морицъ Саксонскій, сталъ во главѣ побѣжденных протестантовъ и, въ союзѣ съ Франціей, вырвалъ изъ рукъ императора плоды его побѣды. Кудрявцевъ въ сильныхъ краскахъ изображаетъ и *позоръ* въ Инспрукѣ, когда „побѣдитель Франциска и другихъ постыдно бѣжалъ передъ какимъ-нибудь Морицемъ Саксонскимъ“, и „какъ больно было императору видѣть успѣхи французовъ на нѣмецкой землѣ и занятіе ими Меца“, и, наконецъ, глубокую *рану*, которую нанесло Карлу Пассауское перемиріе съ протестантами.

„Пораженіе внутреннее, униженіе передъ внѣшнимъ врагомъ... Такъ разбивались одна за другою великолѣпныя мечты Карла, такъ измѣняла ему самая дѣйствительность и каждый годъ уносилъ что-нибудь изъ того ореола, въ которомъ онъ обыкновенно являлся своимъ современникамъ“. А наконецъ, въ довершеніе всего, Карлу пришлось допустить то, чему онъ такъ упорно противился — „постоянный, неизмѣнный, безусловный, другими словами, *вѣчный* миръ“ съ протестантами въ Аугсбургѣ, который онъ предоставилъ подписать своему брату.

„Аугсбургскій миръ былъ развязкою великаго религіознаго спора, нѣсколько десятилѣтій сряду державшаго въ напряженіи